

Работа выполнена в секторе философии российской истории
Учреждения Российской академии наук Институт философии РАН

Научный руководитель доктор политических наук
Малахов Владимир Сергеевич

Официальные оппоненты доктор исторических наук, профессор
Яхимович Зинаида Павловна
кандидат политических наук, доцент
Судаков Сергей Сергеевич

Ведущая организация. кафедра политологии Казанского
государственного университета

Защита состоится 27 ноября 2008 г в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 002 015 05
при Учреждении Российской академии наук Институт философии РАН
по адресу: 119991, г Москва, ул Волхонка, д 14 стр 5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИФ РАН

Автореферат разослан 22 октября 2008 г

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат политических наук

С Г Ильинская

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Регионализм, понимаемый как политическая идеология и стратегия элит, нацелен на перераспределение властных компетенций между «центром» и «периферией»¹ В последние десятилетия возникают новые формы региональных политических отношений и институтов, конструирование и осмысление которых происходит с помощью метафоры «проектного подхода», в терминах «регионостроительства»², «горизонтальных форм взаимодействия между партнерами», «гибкости», «сетевой концепции», «децентрализации»³ В успешной регионализации видится основа для институционального воплощения политического принципа федерализма В центре проекта «нового регионализма» находятся такие типы регионов, где национальные государства уже не являются главными и единственными акторами, определяющими условия сотрудничества и интеграции «Традиционный» регионализм был ориентирован на решение четко очерченных функциональных задач в сферах экономики или безопасности «Новый» регионализм более многомерен он включает в себя как экономический и политический, так и социальный и культурный аспекты⁴

С одной стороны, изменившаяся роль регионов свидетельствует о детерриториализации социального взаимодействия и пост-национальном характере европейской политической сцены С другой стороны, она говорит о том, что региональные процессы «ретерриториализуют» пространство, поскольку именно региональная конструкция взаимодействия позволяет эффективнее, чем традиционное национальное государство, решать практические вопросы в условиях глобализации Это иная форма репрезентации власти она не обязательно исходит из верховенства национального государства но и не

---

¹ Бусыгина, И М Политическая регионалистика учебное пособие / И М Бусыгина – М Московский государственный институт международных отношений (Университет), «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006 – С 10–11

² Neumann, I B A Region-Building Approach to Northern Europe / I B Neumann // Review of International Studies – 1994 – No 20

³ Макарычев, А С «Мягкий» и «жесткий» регионализм калининградские контуры [Электронный ресурс] // Космополис – Зима 2002/2003 – №2 – Режим доступа <http://www.ram.ru/cosmopolis/archives/2/makarychev.html> – Доступен 14 09 2008

⁴ Hettne, B Globalization and the new regionalism the second great transformation / B Hettne // Globalism and the New Regionalism / Ed by B Hettne, A Inotai, O Sunkel – Basingstoke Macmillan, 1999 – P 6–

растворяется в глобальной динамике⁵ Регионализм в таком понимании является воплощением принципа «различия»⁶.

Региональная идентичность рассматривается исследователями в качестве своего рода «точки сборки» в процессе конструирования социально-политического пространства региона⁷ Региональная идентичность задает рамки социально-политического действия разноуровневых акторов Идентификация с территорией становится инструментом социально-политической мобилизации, и осознание важности этого политического ресурса происходит весьма активно Системы разделяемых и оспариваемых смыслов и переживаний, связанных с жизнью в определенном пространстве, становятся предметом как публичной, так и академической дискуссии в России и Европе

В 1990-е гг. в России наблюдалась волна регионализации, которая происходила стихийным образом и носила выраженный «этнический» характер, в силу особенностей предшествовавшей советской политики, проводившей дифференциацию крупнейших административно-территориальных образований по этническому признаку Одним из лидеров регионализации такого типа стал Татарстан «Лавинообразная» регионализация усилила асимметричный характер федеративного устройства страны С начала 2000-х гг субъекты федерации стали объектом политики централизации со стороны федеральных властей Вместе с тем, ряд экспертов считают, что в России наблюдается и регионализация «нового типа», происходящая не столько на традиционной политико-административной, сколько на культурно-экономической основе⁸ В этой связи особый исследовательский интерес представляют процессы в регионах, где достаточно выражены как внешние (экономические, международно-политические, учитывающие расширенное понимание безопасности), так и внутренние (культурные, но не сугубо этнокультурные) факторы «новой» региональной мобилизации Приграничные территории относятся именно к такому типу регионов⁹

⁵ Tassinari, F Security and Integration in the EU Neighbourhood The Case for Regionalism / F Tassinari // CEPS Working Document – July 2005 – No 226 – P 10

⁶ Бурдые, П Идентичность и репрезентация элементы критической рефлексии идеи «региона» / П Бурдые // Ab Imperio – 2002 – №3

⁷ Keating, M The New Regionalism in Western Europe Territorial Restructuring and Political Change / M Keating – Cheltenham Edward Elgar, 1998 – P 85 Цит по Бусыгина, И М Политическая регионалистика – С 161

⁸ См Бусыгина, И Sum ergo cogito Политический мини-лексикон / И Бусыгина, А Захаров – М Московская школа политических исследований, 2006 – С 165–167

⁹ См Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России [Электронный ресурс] / под ред ЛБ Вардомского и СВ Голунова – М, Волгоград НОФМО, 2002 – Режим доступа <http://www.obraforum.ru/book/titul.htm> – Доступен 14 09 2008

Основным полем исследования выбрана Калининградская область. В 1991 г административно-территориальная единица с населением около 900 тысяч человек перестала быть частью единого советского пространства, а в 2004 г превратилась в российский анклав внутри ЕС. Важно отметить, что официальный дискурс Брюсселя не является единственной репрезентацией Европы во внешнеполитической среде Калининграда. Калининград включается в проекты «регионостроительства» на Балтике и в Северной Европе, которые, по мнению ряда экспертов, оспаривают попытки Брюсселя, своего рода «мягкого имперского центра», поддерживать достаточно централизованную и иерархизированную версию «крепости Европа». Политические проекты «измерений» и «инициатив» являют пример подхода конструирования региона «снизу вверх»¹⁰. Внешнеполитические измерения «калининградской проблемы» достаточно активно разрабатывались политической наукой. Не обделены вниманием и экономические аспекты жизнедеятельности региона. Вместе с тем, остается открытым целый ряд вопросов, касающихся политического измерения региональной идентичности. Какую роль в успешном осуществлении проекта «нового региона» играет идентификация жителей с пространством обитания? Где находятся границы конструирования региональной идентичности?

Для ответа на эти вопросы стоит обратиться к советской и постсоветской истории Калининграда. Область была образована в результате передачи СССР в 1945 г части территории Восточной Пруссии. Крайне важным для «советского проекта» освоения трофейного пространства было конструирование коллективной памяти новых жителей региона, советских переселенцев. Центральным элементом официального дискурса являлось отношение к Второй мировой войне как к точке отсчета истории региона, при соответствующем забвении или целенаправленном разрушении довоенного немецкого прошлого. Насколько удался этот проект? Исследования историков показывают, что отношения новых жителей области с регионом не были ограничены лекалами идеологической интерпретации. Практики жизни в контексте «чужой культуры», в первую очередь материальной, ограничивали суггестивность официального дискурса.

В постсоветский период дискуссии о формировании образа калининградцев как группы, вместе с отрицанием или подтверждением

---

¹⁰ См Нойманн, И. Создание регионов Северная Европа / И Нойманн // Использование «Другого» Образы Востока в формировании европейских идентичностей пер В Б Литвинова, И А Пильшикова – М Новое издательство, 2004 – С 181, Browning, C S The Region-Building Approach Revisited The Continuing Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North / C S Browning // Geopolitics – Spring 2003 – Vol 8, no 1 – P 45–71

«калининградской особости» «внешними экспертами», стали важной частью политико-коммуникативного регионального процесса. С начала 2000-х гг. калининградцы стали объектом повышенного внимания со стороны центра, направленного на «укрепление лояльности» по отношению к российской государственности и «возрождению русского патриотизма». Ряд российских политических акторов, опасаясь «латентного сепаратизма», проводит ряд мер по «смещению вектора мироощущения калининградцев с европейского на российский»¹¹. Подобные политические действия добавили новое измерение в дискуссии об идентичности.

Таким образом, Калининград представляется релевантным случаем для анализа эффективности символических «стратегий идентичности» как на внутреннем, так и внешнем политическом уровнях. Обращение к этому российскому региону поможет проследить механизм влияния важнейшего ресурса современной политики.

Предметом исследования являются дискурсы региональной идентичности и практики, в которых она актуализируется в политическом процессе. В качестве практической категории, региональная идентичность используется политическими акторами с целью убедить людей понять свои интересы и затруднения посредством идентификации с региональной общностью, с тем, чтобы организовать и легитимировать коллективное действие. Обращение к региональной идентичности наблюдается в повседневных практиках, когда она выступает в качестве когнитивной рамки, придающей смысл себе, своей деятельности, тому, в чем обитатели определенного региона сходны друг с другом и чем отличаются от других.

Степень разработанности проблемы

Начало интенсивного исследования вопросов регионализма в Западной Европе и США относится к середине 1970-х – началу 1980-х гг. Региональные исследования связаны с категориями территории (места), идентичности и власти, поэтому представляют собой поле взаимодействия и интереса таких дисциплин как социальная география (human and cultural geography), политическая социология, социология пространства, социальная психология, политическая регионалистика, политическая экономия, сравнительная политология, социальная и культурная история, культурные исследования (cultural studies). В западной традиции изучения европейских регионов «нового типа» и региональной идентичности, не претендуя на исчерпывающую полноту

---

¹¹ Чернышова Г. Концепция 750-летия определена [Электронный ресурс] / Г. Чернышова // Газета «Гражданин» // 2004 – 23 сент. – № 075-076 – Режим доступа http://www.prazdnikinfo.ru/5/21/t21_11230.htm – Доступен 18 09 2008

списка, необходимо назвать имена М Китинга, П Андерсона, О Вэзера, И Нойманна, П Йонниема, К Браунинга, А Пааси

В 1990-е гг в России сформировался целый ряд школ и центров, изучающих проблемы регионализации и региональной политики¹². Исследованием различных аспектов регионов «нового типа» и региональной идентичности занимались, в первую очередь, российские ученые ИМ Бусыгина, ЛБ Вардомский, ВЯ Гельман, СВ Голунов, ДН Замятин, НМ Межевич, АС Макарычев, ЕВ Морозова, ЛВ Смирнягин Этими авторами была проделана важная работа по критическому осмыслению западных подходов к проблеме региона и федерации и выработке критериев для комплексного анализа российской ситуации

Социокультурные аспекты «калининградской проблемы» интересовали историков, культурологов, социологов и политологов как в России, так и на Западе Необходимо отметить исследования регионального «исторического сознания» российского историка Ю В Костяшова, под чьим руководством был осуществлен проект по сбору воспоминаний первых советских переселенцев¹³ В целом ряде работ немецких ученых преодолеваются крайности взглядов на Калининград как место без прошлого, характерного для советских идеологов, или как место без настоящего и будущего, превалировавшего в послевоенной Западной Германии¹⁴ «Пионером», открывшим не только административно-управленческие и экономические, но и политико-культурные реалии советского Калининграда Западу еще в конце 1970-х гг, стал П Верстер¹⁵ К вопросам «регионального самосознания» калининградцев неоднократно обращался Э Маттес¹⁶

¹² См обзор по теме Проблемы федерализма, местного самоуправления и территориального развития в России Научные исследования, прикладные проекты, библиография за 1990-1999 гг / под ред В Н Лексина, А Н Швецова – М Эдиториал УРСС, 2000

¹³ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред Ю Костяшова – СПб Бельведер, 2002 В Германии этот проект был представлен в издании Als Russe in Ostpreussen Sowjetische Umsiedler ueber ihren Neubeginn in Koenigsberg / Kaliningrad nach 1945 / Hrsg von E Matthes - Ostfildern, 1999 – (2 Aufl Vietingheim-Bissingen, 2002) См также Костяшов, Ю Изгнание прусского духа Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы / Ю Костяшов // Изгнание прусского духа Запрещенное воспоминание / Ю Костяшов, Э Маттес – Калининград Изд-во КГУ, 2003 – С 7– 80, Kostjaschow, J Am Schnittpunkt dreier Welten Ostpreußen Zankapfel der Völker / J Kostjaschow // Als die Deutschen weg waren – 2 Aufl – Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2007 – S 283–309

¹⁴ См Маттес, Э Проблема образования Калининградской области в немецкой историографии обзор / Э Маттес // Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время материалы международной научной конференции, 10–11 октября 2003 г Калининград / под ред В В Сергеева – Калининград Изд-во КГУ, 2004 – С 195–206

¹⁵ Wörster, P Das Nördliche Ostpreußen nach 1945 – Verwaltung, Bevölkerung, Wirtschaft / P Wörster // Dokumentation Ostmitteleuropa – 1978 – Vol 4 – H 1, Wörster, P Das Nördliche Ostpreußen nach 1945 – Politisches und kulturelles Leben / P Wörster // Dokumentation Ostmitteleuropa – 1979 – Vol 5 – H 1/2

¹⁶ Matthes, E Regionales Bewusstsein der Bevölkerung im Gebiet Kaliningrad Stufen seiner Entwicklung seit 1945 / E Matthes // Region Internationales Forum für lokale, regionale und globale Entwicklung –

Недавние работы представителей молодого поколения немецких историков Б Хоппе и П Бродерзена успешно реконструируют сложный контекст дифференцированной социально-политической жизни советской области периода 1945-1971 гг.¹⁷ Сравнительно малоизученным остается период 1970-1980-х гг. Среди исследований региональной идентичности Калининграда в 1990-2000-е гг. наиболее близкими нам по оптике взгляда на проблему являются работы О Сезневой¹⁸, К Браунинга и П Йонниemi¹⁹. Международным измерением участия Калининграда в регионализме «нового типа» занимались А Макарычев и А Сергунин²⁰. К проблематике социальной идентичности калининградцев неоднократно обращался коллектив авторов РГУ им И Канта²¹. В работах калининградских ученых изучение региональных идентификаций проводилось с помощью метода социологических опросов. В данной диссертации автор исходит из результатов, полученных упомянутыми исследователями. Вместе с тем, тема региональной идентичности требует дальнейшей разработки, одну из попыток которой и представляет настоящая работа.

Цели и задачи диссертационного исследования

Цель работы состоит в осмыслении региональной идентичности в качестве категории политической практики

S 87– 100 и 307– 322, Matthes, Э. Запрещенное воспоминание. Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945-2001) / Э. Matthes // Изгнание прусского духа – С 81– 150

¹⁷ Hoppe, B. Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946 – 1970 – München Oldenburg, 2000 – (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Bd 80), Brodersen, P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde – Vandenhoeck & Ruprecht, 2008

¹⁸ Sezneva, O. 'We have never been German'. The Economy of Digging in Russian Kaliningrad / O Sezneva // Practising Culture / Ed by C Calhoun and R Sennet – London, New York: Routledge, 2006. Sezneva, O. The dual history politics of the past in Kaliningrad, former Königsberg / O Sezneva // Composing urban histories and the construction of civic identities / Eds J Czaplicka and B Ruble – John Hopkins University Press and Woodrow Wilson Center Press, 2003

¹⁹ Browning, C. S. The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? / C. S. Browning, P. Joenniemi // The Baltic Sea Region in the European Union. Reflections on Identity, Soft-Security and Marginality / Ed F. Tassinari – Berlin: Humboldt University, 2003. Browning, C. S. Contending Discourses on Marginality: The Case of Kaliningrad / C. S. Browning, P. Joenniemi // Geopolitics – Autumn 2004 – Vol 9, No 3 – P. 699-730

²⁰ Макарычев, А. С. «Мягкий» и «жесткий» регионализм // Макарычев, А. С. Contours of Regional Identity: Testing Constructivism on Kaliningrad's Ground / А. С. Макарычев // The Journal of Eurasian Research – 2003 – Vol 2, no 1, Сергунин, А. Регионализация в регионе Балтийского моря: восприятие российских элит / А. Сергунин // Региональное измерение российско-балтийских отношений / под ред. Л. Карабешкина – СПб: «Балтийский клуб», 2004

²¹ Калининградский социум в европейском измерении: сб. науч. тр. / под ред. А. П. Клемешева – Калининград, изд-во КГУ, 2002. Проблемы сепаратизма в анклавных территориях / Под ред. А. Ю. Мельвиля, А. П. Клемешева – Серия «Регион сотрудничества» – Вып. 3 (46) – Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2005. Алимписева, А. В. Калининградцы: проблема социальной идентичности / А. В. Алимписева // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Брюшинкина – Калининград: изд-во КГУ, 2003 – С. 169-176

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд следующих задач

1) проанализировать основные теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы взаимосвязи категорий власти, региона и идентичности в социальных науках,

2) определить политические условия, при которых происходит актуализация региональной идентичности политическими акторами различных уровней, а также инструменты, посредством которых происходит такая актуализация,

3) оценить границы возможностей конструирования коллективной памяти,

4) изучить взаимосвязь нарративов региональной идентичности и социально-политических установок граждан с помощью инструментария социологии и социальной психологии,

5) рассмотреть актуальные проблемы конструирования европейских регионов нового типа и выявить дискурсивные механизмы включения в них российских регионов

Теоретико-методологические основы исследования

В социальные науки категория «идентичность» вошла во многом благодаря феноменологии, символическому интеракционизму и социальному конструктивизму. Как практическая категория, «идентичность», с одной стороны, может быть использована индивидами для выделения себя, подчеркивания своего отличия от других. С другой стороны, акторы, наделенные символической властью, могут обращаться к «идентичности» как средству групповой мобилизации для достижения политических целей. Дискурс «идентичности» является важным элементом политической борьбы. Согласно П. Бурдьё, способность осуществлять эффективную символическую деятельность является исключительным по своим возможностям ресурсом политики. С помощью знаков политика производит социальное и конструирует группы. С помощью символов политика производит таксономию социального пространства²².

Брубейкер и Купер подчеркивают важность различения двух разных ипостасей концепта «идентичность» – как категории практики и как категории научного анализа²³. Если воспринимать «идентичность» в качестве практической категории, то ситуации, в которых она употребляется, реально наблюдаемые феномены (например, риторика политических деятелей, программы политических партий, образы СМИ), становятся вполне доступными и легитимными для научного

²² Бурдьё, П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдьё // Социология политики – М. Socio-Logos, 1993 – С. 90–91

²³ Brubaker, R. Beyond Identity / R. Brubaker, F. Cooper // Theory and Society – 2000 – Vol. 29, No 1

исследования. Совсем другое дело, когда сама «идентичность» становится центральной категорией научного анализа. В этом случае практическая категория, продукт социальных отношений, превращается в вещь, т.е. реифицируется²⁴. Исследователь начинает относиться к «идентичности» как к данности, совокупности имманентно присущих некоторой группе характеристик, которые можно «открыть», «описать», «определить», «классифицировать», «исследовать». Результатом реифицирования идентичности становится представление, что любой человек и социальная группа «имеют идентичность», даже если сами этого не сознают. «Идентичность» всегда существует, независимо от нашего знания о ней, и ждет подходящего случая для того, чтобы проявиться. Обратная сторона такой позиции – возможность отказа группе в «наличии» у нее определенной идентичности.

Стоит отметить, что отношение к идентичности как к некому неизменному свойству, данному человеку самим фактом его социализации в рамках той или иной культуры или, того определеннее, генетически, стало уже делом прошлого, по крайней мере, в западной научной среде. В последние годы общим местом стало описание идентичности в терминах «множественной», «гибридной», «текучей», «конструируемой». Реверанс в сторону множества идентичностей и/или «множества лояльностей» не должен вводить в заблуждение, продолжая употреблять этот термин в качестве центральной категории научного анализа, исследователи, по сути, остаются на эссенциалистской платформе. Более того, если «идентичность» множественна и текуча, то какую функцию она призвана исполнять, отказываясь от своих «отличающих», «выделяющих» целей, становясь фактически неуловимой? Какой смысл остается в использовании этого понятия? Именно поэтому Брубэйкер и Купер предлагают отказаться от употребления вводящей в заблуждение концепции «идентичности» в социальном анализе²⁵.

Наиболее продуктивным подходом для достижения поставленной цели исследования, на наш взгляд, является *методологическая рамка социального конструктивизма*. Это, прежде всего, работы П. Бергера и Т. Лукмана, Ф. Барта, П. Бурдьё, Б. Андерсона, Р. Брубейкера²⁶.

---

²⁴ Малахов, В. [1998] Проблема идентичности в постсоветском контексте / В. Малахов // Понаехали тут: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме – М.: Новое литературное обозрение, 2007 – С. 17.

²⁵ Brubaker, R. Beyond Identity – P. 1–9.

²⁶ См. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000; Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман – М.: «Медиум», 1995; Бурдьё, П. Социология политики – М.: Socio-Logos, 1993; Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: сб. статей / под ред. Ф. Барта – М.: Новое издательство, 2006.

Для наших целей важно понять взаимодействие дискурса и практик, правил, процедур. Последние определяют, ограничивают и сдерживают применимость дискурса. Дискурс определяет практики, но и практики влияют на дискурс. Социальная жизнь фундаментально текстуальна. В терминологии М. Роуза, «текст» становится значимым посредством его «воплощения» (*enactment*), которое определяется как «материальные акты и жесты, которые делают тексты распознаваемыми чертами социальной жизни»²⁷. В работе мы рассматриваем дискурсы и практики как взаимно конституирующие аспекты места и идентичности.

В исследовании использовались методы дискурс-анализа, а также анализировались фокус-групповые и глубинные интервью, проведенные автором.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в переносе внимания с выяснения эссенциализирующих характеристик региона и региональной общности на анализ процесса, в котором происходит актуализация этой категории. Иными словами, речь идет о переносе внимания с региона на регионализацию, с идентичности – на идентификацию. Это дает возможность реконструировать социально-политический контекст регионализации и понять важность социокультурного измерения современной политической жизни. В исследовании анализируются механизмы институционализации региональной идентичности и коллективной памяти как одного из важных ее измерений, оцениваются дискурсивные стратегии, используемые различными политическими акторами, а также выясняется применимость инструментария качественных социологических методов в политологическом исследовании региональных идентификаций.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Ряд теоретических положений и выводов диссертации вносят вклад в исследование региональной идентичности как категории политической практики и могут быть использованы в дальнейшем развитии региональных исследований.

Основные положения диссертации и реферируемая в ней литература могут быть использованы при разработке учебных курсов и спецкурсов по политической регионалистике и политической социологии.

Результаты анализа, осуществленного в диссертации, могут быть использованы для разработки новых инструментов исследования региональных идентификаций.

Brubaker, R. *Nationhood and the National Question in the New Europe* – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

²⁷ Rose, M. *The seductions of resistance: power, politics, and a performative style of systems* / M. Rose // *Environment and Planning D: Society and Space* – 2002 – Vol. 20 (4) – P. 391.

Основные положения, выносимые на защиту

- Категории власти, места и идентичности являются взаимно конституирующими, динамично-интерактивными. Это не нечто изначально заданное. Регион и идентичность представляют собой нарративы, которые постоянно оспариваются, пересказываются и воплощаются в жизнь. Тем самым отвергаются эссенциализирующие, статичные, реифицирующие подходы к рассмотрению места и идентичности.
- Региональная идентичность в политическом анализе может быть исследована посредством раскрытия механизмов институционализации нарративов коллективной памяти и представлений о будущем региона. Это дает возможность реконструировать социально-политический контекст и выявить дифференцированные дискурсивные стратегии региональных политических акторов в борьбе за переопределение отношений в системе «центр-периферия».
- Переключение внимания от статического понятия региона к динамичным контекстуально зависимым процессам дает возможность анализировать взаимосвязь «чувства места» и характера «низовой» социально-политической активности жителей региона.
- В исследованиях региональной идентичности как практической категории политики представляется в высшей степени продуктивным обращение к инструментарию качественной социологии и социальной психологии. Методы фокус-групп и глубинных интервью позволяют выявить когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты социально-политических установок. В исследовании региональных идентификаций продуктивно использование разработанных в психологии проективных методик.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертации освещены в ряде публикаций, перечень которых дан в конце работы. В марте 2008 г. научное исследование автора «Репрезентации прошлого в поле политики Кенигсберг в Калининграде» было удостоено 2-го места на конкурсе работ молодых ученых некоммерческого фонда «Наследие Евразии» и опубликовано на информационно-аналитическом портале «Евразийский дом».

Доклады с изложением основных идей диссертации были сделаны на следующих международных научных конференциях, конгрессах и симпозиумах:

- «Регионы культуры – регионы идентичности» семинар молодых ученых в рамках международной летней школы, организованной Международным центром исследований культуры при университете Юстуса Либига г Гиссена, Гиссенским центром Восточной Европы и Институтом Гердера, Марбург (Германия), июль 2008 г
- Научный семинар Института исследований тоталитаризма им Ханны Арендт при Техническом университете Дрездена (Германия), июль 2008 г.
- 6-я международная конференция Евразийской сети политических исследований (ЕСПИ) «Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах постсоветской Евразии», ЕСПИ, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, февраль 2008 г
- «Европейское цивилизационное пространство Балтийский диалог». Всемирный общественный форум «Диалог цивилизаций», Тампере (Финляндия), июнь 2007 г
- «Векторы развития современной России» 6-я международная научно-практическая конференция, Московская Высшая школа социальных и экономических наук, Москва, апрель 2007 г
- «Региональное сотрудничество России и ЕС на Северо-Западе» международная конференция Института Европы РАН и фонда Фридриха Эберта (Германия), Калининград, сентябрь 2006 г
- «Калининград Адаптация в условиях европейской интеграции?» международный семинар, университет Фридриха Шиллера, Йена (Германия), апрель 2006 г
- «Ислам в Европе» международная конференция, организованная Центром Европейской политики, Смоленице (Словакия), ноябрь 2005 г.
- «Перспективы российской политики и международной интеграции» летняя школа по международным отношениям, организованная Европейским Консорциумом политических исследований, университетом Тампере (Финляндия) и МГУ им М В Ломоносова, Москва, август 2005 г
- «Россия, Европа и США в Балтийском регионе» международная конференция, Российский государственный университет им Иммануила Канта, Калининград, май 2005 г
- XIX Всемирный конгресс Международной ассоциации истории религий «Религия конфликт и мир», Токио (Япония), март 2005 г
Диссертация прошла обсуждение на секторе истории российской философии Института философии РАН и была рекомендована к защите

Структура диссертации

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и библиографического списка

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновываются актуальность темы научного исследования, обозначаются цели, задачи и предмет исследования, а также дается оценка разработанности темы

В первой главе производится анализ теоретических подходов к исследованию категорий места и идентичности в условиях современных экономик «семиотического потребления», а также аспектов строительства «новых регионов» и роли пограничных территорий.

В первом параграфе рассматриваются теоретические подходы к соотношению категорий власти, места и идентичности. На взгляд автора, наиболее перспективен подход, в котором место и идентичность рассматриваются как взаимно конституирующие, динамично-интерактивные категории становления. Место и идентичность постоянно рассказываются заново ((re)narrated), оспариваются и воплощаются в жизнь. Преимущества такого подхода обусловлены следующими факторами. Во-первых, он отвергает эссенциализирующие, статичные, реифицирующие подходы к рассмотрению места и идентичности. Процессы, схожие с разобранный выше ситуацией в отношении идентичности в социальном анализе, происходят и в отношении «места»: ряд работ географов и антропологов деэссенциализирует место, переключая внимание от статического понятия место как ограниченной территории к более динамичным контекстуально зависимым процессам, сетям социального взаимодействия, «чувству места», габитусу, которые связаны с процессом «место-образования» (*place-making*)²⁸

Во-вторых, подобная реконцептуализация подчеркивает интерактивный и взаимозависимый характер отношений идентификации и местонахождения. Эти два понятия конституируют друг друга и не могут быть рассмотрены по отдельности, вне связи друг с другом. Пара «место-идентичность» конституирует социальное. Особенно интересны для рассмотрения процессы реконфигурации этого соотношения (т.е. ретерриториализации социального и ресоциализации территориального) в пространстве-времени.

---

²⁸ См. Kaiser, R. Borderland spaces of identification and dis/location: Multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian-Russian borderlands / R. Kaiser, E. Nikiforova // *Ethnic and Racial Studies* – September 2006 – Vol 29 – No 5 – P 928–958, The Power of Place: Bringing Together Sociological and Geographical Imaginations / Eds J. Agnew, J. Duncan – London: Unwin Hyman, 1989; Paasi, A. Place and region: regional identity in question / A. Paasi // *Progress in Human Geography* – 2003 – Vol 27, no 4 – P 475–485

В-третьих, подобное определение имеет следующее преимущество отвергая место и идентичность как реифицируемые категории анализа, оно одновременно не подменяет их столь же упрощающими «категориями дискурса» или «категориями практики» Дискурсы как способ структурирования социальной реальности, отложившиеся в языке, определяют наборы знаний, пониманий и мнений участников социального взаимодействия о том, как устроен мир Дискурс выражает, что есть истина, добро, и собственно реальность Дискурсы, таким образом, «властно нагружены», они могут быть использованы людьми для того, чтобы понять мир и свое место в нем, но они же и конструируются определенной группой/ группами акторов с целью дать другим группам когнитивную рамку восприятия и понимания действительности

М Сомерс показывает применимость нарративного подхода к исследованию идентификаций Она исходит из того, что нарративы идентичности и социальное поведение находятся во взаимодополняющих отношениях Нарративный подход рассматривает актора в контексте социальных связей и историй, которые меняются во времени и пространстве²⁹ В отличие от теории рационального выбора, в рамках которой действия индивида объясняются исходя из его рационально калькулируемых интересов, нарративный подход настаивает на том, что социальное действие может быть объяснено только исходя из предпосылки о прямом влиянии, которое оказывают на поступки людей ткань структурных и культурных взаимосвязей и истории, с помощью которых они конституируют свои идентичности Нарративный подход подразумевает, что «люди поступают тем или иным способом поскольку действовать *иначе* означало бы фундаментально противоречить их ощущению жизни и собственного существования (*being*) в определенном соотношении пространства-времени»³⁰ Принимая во внимание ряд весьма убедительных работ, в которых использован подход к исследованию идентификаций с точки зрения анализа нарративов и практик их употребления, среди которых особенно релевантными калининградской проблематике нам кажутся вышеупомянутые работы О Сезневой, П Йонниemi и К. Браунинга, а также Р. Кайзера и Е Никифоровой, делается вывод о преимуществе именно этого подхода для реализации задач данного исследования

Во втором параграфе анализируется методология политической экономии в применении к проблематике регионализации Целый ряд работ современных авторов анализируют общественные изменения,

²⁹ Somers, M The narrative constitution of identity A relational and network approach / M Somers // Theory and Society – 1994 – Vol 23, no 5 – P 621

³⁰ Ibid. P 624 Курсив авт

связанные с развитием постиндустриальной экономики и изменением структуры производства³¹ Основу новой экономики составляют различные виды услуг, оказываемых как индивидуальным потребителям, так и организациям, «услуг, которые все в большей и большей степени определяются формой подачи (дизайном) и нагружаются семиотически»³² Жители регионов с преобладанием сервисной экономики вовлечены как в процесс производства символов, так и в процессе их потребления Производство услуг влияет на структурную трансформацию регионального пространства Иерархическое устройство общества формируется так, что доля символического содержимого потребляемых и предлагаемых услуг возрастает с повышением социального статуса человека³³

Д Харви предполагает, что чем более глобальными становятся взаимосвязи, тем более усиливается внимание населения к месту и региону проживания, к культурному наследию и традициям « чем больше знак отрывается от места, тем сильнее стремление искать корни» «Сжатие пространства-времени», характерное для нового типа общественных отношений, может перерасти в кризис идентичности, вызванный рефлексией на тему пространства проживания Кто мы и к какому месту мы принадлежим?³⁴

В *третьем параграфе* анализируются модели строительства «новых регионов» и роли пограничных территорий В создании нового политического пространства Балтики и Северной Европы большую роль сыграло эпистемологическое сообщество интеллектуалов, специализирующихся в области внешней политики Суть их тезиса состояла в том, что «в нынешних постмодерных условиях суверенитет государства релятивизируется в пользу нового европейского средневековья, в котором разные политические вопросы решаются на разных политических уровнях»³⁵. Так, регион Балтийского моря является сферой политической активности разноуровневых акторов с одной стороны, мы наблюдаем здесь деятельность крупных игроков международных отношений, таких, как ЕС, США и Россия, с другой – взаимодействие «регионального государства» в лице ЕС и государств-членов ЕС, с третьей – сотрудничество на уровне «микрорегионов», или частей различных государств (областей, земель, воеводств и т д) Этот

³¹ См Harvey, D The Conditions of Postmodernity / D Harvey – Oxford Basic Blackwell, 1989, Modernity and Identity / Eds S Lash, J Urry – Oxford, Cambridge Blackwell Publishers, 1992, Lash, S Economies of Signs and Space / S Lash, J Urry – L SAGE Publications 1994

³² Lash, S Op cit – P 193

³³ Ibid – P 221

³⁴ Harvey, D Between Space and Time reflections on the geographical imagination / D Harvey // Annals of the Association of American Geographers – 1990 – No 80 – P 427 Цит по Lash, S Op cit P 278

³⁵ Нойманн, И Указ соч – С 181

список дополняют менее формализованные неправительственные структуры мировой политики³⁶.

Политические элиты Северо-Запада России, в целом, положительно относятся к региональным европейским инициативам³⁷. Особенно эта тенденция была характерна для 1990-х, когда стратегия активных двусторонних контактов западных областей России с европейскими соседями помогала «минимизировать экономический контроль со стороны «центра», т.е. Москвы»³⁸. А Макарычев считает, что один из главных уроков, который может извлечь Россия из «нового регионостроительства», состоит в том, что надо перестать воспринимать Европу в качестве единого «цивилизационного блока», поскольку это вернейший способ оказаться исключенной из европейских политических, экономических и социальных пространств³⁹. Надо учитывать то обстоятельство, что, несмотря на то, что выбор средств для конструирования инаковости весьма широк, именно Россия остается «значимым Другим» многих частей как «старой», так и «новой» Европы, где имеется достаточное число влиятельных акторов, которые будут продолжать стратегию «исключения» России⁴⁰. Однако именно находящиеся в процессе становления, открытые для обсуждения и участия североевропейские проекты дают более благоприятные возможности для проявления «субъектности» российских регионов, выхода их с собственными инициативами в пространство новой региональной политики

Во второй главе исследуются политические аспекты конструирования коллективной памяти и взаимовлияние официального дискурса и практик идентичности различных акторов социального действия. В качестве центрального региона исследования выбрана Калининградская область.

Первый параграф посвящен реконструкции основных элементов дискурса региональной идентичности советского периода и практик коллективной памяти и исторического сознания. После победы во Второй мировой войне, по итогам Потсдамской конференции 1945 г.,

---

³⁶ Williams, L -K The Baltic Sea region forms and functions of regional co-operation / L -K Williams - Berlin Humboldt University, 2001 - P 11

³⁷ См. Сергунина, А. Указ соч.

³⁸ Нойманн, И. Указ соч. С. 183

³⁹ Makarychev, A S Op cit

⁴⁰ См. Neumann, I B Europe's post-Cold War remembrance of Russia cui bono? / I B Neumann // Memory and Power in Post-War Europe / Ed by J -W Mueller - Cambridge Cambridge University Press, 2002 - P 121-136, Neumann, I B European Identity, EU Expansion, and the Integration/Exclusion Nexus / I B Neumann // Constructing Europe's Identity The External Dimension / Ed by L -E Cederman - Boulder (Colorado) Lynne Rienner Publishers, 2001 P 141-164, Browning, C S The Region-Building Approach Revised

СССР была передана часть Восточной Пруссии – Кенигсберг с прилегающими территориями. Массовое переселение советских граждан в регион началось в 1946 г. Присутствие немецкого населения на территории закончилось к 1951 г. в результате а) эвакуации перед наступлением советских войск до конца 1944 г., б) стихийного бегства во время атак Красной армии в период с конца 1944 г. до апреля 1945 г., в) депортации в Германию, главным образом в 1947-48 гг., вплоть до 1951 г.⁴¹ Область, переименованная вскоре после войны в Калининградскую, стала регионом, в котором была предпринята попытка создать «с чистого листа» советскую систему с ее политическими, социальными, культурными и экономическими институтами.

Навязанное исключение Кенигсберга из исторического дискурса Калининграда было направлено на полную субординацию места в системе связей «центр-периферия» и низводила регион к статусу обычной провинциальной советской области. Такая политика вступала в противоречие с местными интересами, и более того, постепенно способствовала их формулированию и публичной артикуляции. Переселенцы и их потомки должны были существовать между двумя историческими нарративами и выработать свои собственные отношения с ними. Нарративы существовали в материальном контексте, пусть исчезающем или намеренно разрушающемся, но непременно оставлявшем след в мировосприятии и самопонимании жителей. Сохранение прошлого в коллективной памяти было, по сути, важнейшим политическим актом, значение которого невозможно недооценить.⁴² Этот политический опыт во многом помогает понять нынешнюю социально-политическую реальность региона и проанализировать использование категории региональной идентичности в современном политическом контексте.

Во втором параграфе исследуются основные линии современных дискурсивных стратегий во внутри- и внешнеполитической сферах. Во внутриполитической сфере выделяются три основных линии конструирования нарратива региональной идентичности «традиционно-государственническая» (Калининград как «неотъемлемая часть России»), «сепаратистская» (Калининград как Балтийская республика или «особая экономическая зона») и «сотрудническая» (Калининград как «пилотный регион» взаимодействия России и Европы). Опыт начала 2000-х гг. показал, что умелое использование дискурса «региона

⁴¹ См. Matthes, E. Späte Opfer Zur Aussiedlung der Deutschen aus dem Gebiet Kaliningrad 1947–1948 / E. Matthes // Deutschland Archiv – 2007 – Vol 40 – H 5 – S 840–847, Kossert, A. Kalte Heimat Die Geschichte der deutschen Vertriebenen nach 1945 / A. Kossert – 3 Aufl. – Siedler, 2008 – S 27–42

⁴² Sezneva, O. The dual history – P 85

сотрудничества» позволяет региональным элитам успешно играть на оба центра влияний, Москву и Брюссель. Москва артикулирует национальный интерес в терминах интеграции в мировое экономическое пространство, в Европе происходит становление новых регионов, успех развития которых предполагает включение российских областей. В этой связи позиционирование региона в качестве «пилотного» во взаимодействии России и ЕС оказалось весьма успешным для политических элит региона в период 2002-2005 гг.⁴³ Сама категория «эксклавности» вошла в широкое употребление в начале 2000-х годов, характеризуя новое лицо политического субъекта.⁴⁴ Вместе с тем, после 2005 г. в области происходит актуализация традиционно-государственнических символических стратегий, сформировавшихся в советский период, когда регион был полной периферией по отношению к центру. Возрождение элементов этого в высшей степени модернистского дискурса наблюдается в целом ряде практик, направленных на «искоренение латентного сепаратизма».

В третьем параграфе, посвященном внешнеполитическому аспекту «калининградской проблемы», рассматриваются инструменты символического включения Калининградской области в программы европейского регионостроительства. Как выглядит современный «ганзейский нарратив», поддерживающий политический проект «Регион Балтийского моря»? Какие дискурсивные стратегии используются для его построения и поддержания? Для ответа на этот вопрос автор обращается к тексту, составленному известными экспертами, главе «Историческое наследие» брошюры «Регион Балтийского моря. Динамичная треть Европы», выпущенной в Финляндии в 2004 г., сразу после «третьей волны» расширения ЕС.⁴⁵

На основе анализа текста делается вывод, что используемая в нем дискурсивная стратегия находится в полном соответствии с идеологией модернизации, политической и экономической, и потому, вероятно, будет весьма успешна, по крайней мере, до тех пор, пока вновь возникший или воссозданный «Другой» - будь то Россия, русскоязычные меньшинства балтийских государств, иммигрантские группы внутри «старых рыночных экономик» или любое другое сообщество, начавшее действовать с достаточной степенью солидарности - не начнет оспаривать гегемонию этого дискурса. Вместе

⁴³ О концепции «пилотного региона» см. Wolffsen, P. Kaliningrad a Russian Exclave or 'Pilot Region'? / P. Wolffsen, A. A. Sergounin – Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod State Linguistic University Press, 2004.

⁴⁴ См. Клемешев, А. П. Российский эксклав: преодоление конфликтности / А. П. Клемешев – СПб. Изд-во С.-Петербургского университета, 2005 – С. 62–101.

⁴⁵ Kivikari, U. Baltic Sea Region. A Dynamic Third of Europe / U. Kivikari, U., E. Antola – Turku. City of Turku, 2004 – P. 8.

с тем, приведенный пример не позволяет говорить и о том, что в «новом регионализме» используются принципиально иные по сравнению с модернистскими - например, постструктуралистские - стратегии построения коллективной идентичности, предполагающие «инклюзию инаковости», «текучесть» и «текстуальность» идентификаций⁴⁶

Третья глава посвящена эмпирическому исследованию региональных идентификаций. В ней обсуждается применимость инструментария политической социологии и социальной психологии в оценке эффективности дискурсивных стратегий политических элит.

В первом параграфе проводится вторичный анализ статистического (количественного) социологического исследования структуры социально-политических лояльностей калининградцев. Ответы на вопросы о структуре социальной идентичности, понимаемой в данном случае как иерархия принадлежностей к определенному виду сообщества – городу (селу), региону (области), этнической группе, России в целом, Европе, дают многомерную картину, демонстрирующую размытость и аморфность установок калининградцев. Количественное исследование позволяет выявить группы населения с более ярко выраженными групповыми идентификациями (мигранты пост-советского периода, молодежь). Вместе с тем, методы массовых опросов не дают возможности более глубокого и точного понимания «среза» региональных лояльностей и аффилиаций.

Во втором параграфе проводится описание и анализ исследования региональных идентификаций студенческой молодежи, проведенного автором в 2006-2008 гг. Этот анализ основывался на подходе, который можно отнести в социологии к «качественным», иными словами, нестатистическим методам. Студенты рассматриваются в качестве социально активной группы, будущей элиты региона, и потому исследование представлений о регионе в структуре социально-политических установок этой группы представлялось весьма важным. Калининград дает уникальное поле для исследования как массовых представлений об историческом прошлом, так и оценки своего места в будущем. Особый интерес представляют молодые жители региона, те, которые, согласно распространенным оценкам, соотносят себя с Европой не реже, чем с «большой Россией». Именно они были выбраны в качестве основной целевой группы исследования. На основе авторского сценария был проведен ряд фокус-групповых и индивидуальных глубинных интервью. Этот же сценарий использовался

---

⁴⁶О проблемах постструктуралистского подхода к идентичности в политической практике см Нойманн, И. «Я» и «Другой» после смерти суверенного субъекта / И. Нойманн // Использование «Другого» – С. 267–278

автором для проведения фокус-группы в регионе Крайнего Севера, не сходном с Калининградом (г. Надым Ямало-Ненецкого автономного округа, сентябрь 2007 г.)

Особый интерес для нас представляло тестирование проективных методик, разработанных в психологии и широко применяющихся в других отраслях, например, в маркетинговых исследованиях, в фокус-группах по изучению региональных идентификаций как существенной составляющей политической культуры. Из весьма широкого спектра таких техник мы остановились на ассоциативных, конструирующих и завершающих процедурах измерения, а также на методе семантического дифференциала. Из разнообразия ассоциативных методик, наиболее продуктивным в рамках фокус-групп нам представляется применение ассоциаций-персонификаций. Подробно разбирается пример использования метода семантического дифференциала, а также даны интерпретации полученных результатов. В разделе, посвященном конструирующим и завершающим техникам, были составлены примеры заданий, которые могут использоваться в фокус-группах. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что применение проективных методик в фокус-групповых исследованиях региональных идентификаций зарекомендовало себя весьма оправданным и интересным инструментом, дающим широкие возможности для получения и последующей интерпретации данных, относящихся к сфере эмоционального и образного восприятия социально-политического окружения. В целом, метод фокус-групповых интервью можно считать перспективным в эмпирическом исследовании суггестивности дискурсивных стратегий политических элит. Метод фокус-групп дает возможность понять дифференцированную картину смыслов социального действия жителей региона, не улавливаемую традиционными количественными замерами.

В заключении делаются общие выводы по итогам теоретического и эмпирического анализа, проведенного в работе, а также определяются направления дальнейшего исследования темы.

В данной работе сделана попытка реконструировать социально-политический контекст, в котором происходит обращение к категориям регионального «самосознания», «субъектности», «идентичности» граждан. Социальное пространство региона рассматривалось нами как продукт социальных отношений, в котором дискурсы и практики места и идентичности взаимно конституируют друг друга.

Исследование Калининграда показало, что практики существования между двумя историческими нарративами – официальным дискурсом строительства «новой советской области» на месте, освобожденном от «чуждого» прошлого, и вытесненным из

официально легитимированного публичного пространства, но от этого не менее реальным по своему влиянию, дискурсом «культурного наследия», подкрепленного материальным контекстом «чужой культуры», – оказали непосредственное влияние на выработку калининградцами коллективной памяти. Анализ периода 1990-2000-х годов обнаружил, что культурно-символическая и материальная среда обитания остается существенным фактором в процессах коллективной идентификации калининградцев. Репрезентации прошлого находятся в непосредственной связи с представлениями о будущем области разноразноуровневых политических акторов.

Остается открытым вопрос о прогнозировании связи региональной идентичности и характера политического участия жителей региона. На макросоциальном уровне эту корреляцию проследить достаточно сложно. В этом отношении в будущем на помощь могут прийти методы микросоциологии. Кроме того, большой интерес в исследованиях региональной идентичности представляет характер взаимосвязи «центр-периферия». В данной работе основной акцент был сделан на изучение дискурса и практик региональных акторов. Вместе с тем, очевидно, что было бы ошибочным воспринимать «центр» в качестве монолитного политического игрока. В дальнейших исследованиях было бы интересно обратить внимание на дифференцированный социально-политический контекст выработки «символических стратегий» центра, а также на то, как практики взаимодействия между центром и регионами влияют на дискурсивные политики сторон.

Список научных публикаций

Основные научные положения диссертации были опубликованы в следующих работах:

1. Карпенко, А. М. Калининград в «ганзейском» дискурсе «региона Балтийского моря» / А. М. Карпенко // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта – Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки – Калининград. Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008 – С. 88–94. – Объем 0,5 а. л.
2. Karpenko, A. Social Identity and Regionalisation: The Case of Kaliningrad / A. Karpenko // *Adapting to Integration in Europe? Kaliningrad between Russia and the European Union* / Ed. by S. Gaenzle, G. Muentel, E. Vinokurov – Manchester: Manchester University Press, 2008 – P. 124–131 – Объем 0,5 а. л.
3. Карпенко, А. Репрезентации прошлого в поле политики Кенигсберга в Калининграде [Электронный ресурс] / А. Карпенко // Информационно-аналитический портал «Евразийский дом» – 2008 – 1 апр. – Режим доступа.

<http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&pic=expert&pid=1492> – Доступен 21 09 2008 – Объем 1,2 а л

- 4 Карпенко, А. М. Калининградская региональная идентичность как категория политической практики / А. М. Карпенко // Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества / Ин-т Европы РАН Рос. Акад. Наук, Ассоциация европ. исслед., Фонд им. Фридриха Эберта / под ред. В. П. Федорова (отв. ред.), О. Ю. Потемкиной, Н. Б. Кондратьевой. – М.: Ин-т Европы РАН, «Рус Сувенир», 2007. – С. 123–134. – Объем 0,5 а л.
- 5 Карпенко, А. Россия и Европа в дискурсе региональных политических акторов. Калининградская область после 1991 г. / А. Карпенко // Векторы развития современной России. Материалы шестой международной научно-практической конференции. – М.: МВШСЭН, 2007. – С. 30–36. – Объем 0,4 а л.
- 6 Карпенко, А. М. Социальная идентичность в контексте европейской регионализации. методологические аспекты исследования / А. М. Карпенко // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. – Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 80–87. – Объем 0,5 а л.
- 7 Karpenko, A. Social Identity of Kaliningraders in the European Context: Ethnic and Religious Aspects [Электронный ресурс] / A. Karpenko // Synnyt (Origins) – e-journal of the University of Art and Design, Helsinki [ISSN 1795-4843]. – 2006. – No. 2. – P. 84–95. – Режим доступа: http://arted.uiah.fi/synnyu/index2_2006.html – Доступен 21 09 2008. – Объем 0,5 а л.
- 8 Karpenko, A. Regionalization and identity: the subjectivity of Kaliningrad / A. Karpenko // UNISCI Discussion Papers [Maastricht University, ISSN 1696-2206]. – January 2006. – No. 10. – P. 277–286. – Объем 0,75 а л.
- 9 Karpenko, A. The identity of Kaliningrad in the context of the EU-Russia relations / A. Karpenko // Russia, the United States, and Europe in the Baltic region / под ред. Д. У. МакФэддена, А. М. Карпенко. – Калининград: Terra Балтика, 2005. – С. 132–144. – Объем 0,75 а л.
- 10 Karpenko, A. Religious and political minorities: redefining the whole (Muslim community in the Kaliningrad exclave) / A. Karpenko // Islam in Europe / Islam in Europe / Ed. by M. Moravčiková, M. Loujda. Bratislava: Ústav pre vzťahy štátu a cirkvi v spolupráci s Centrom pre európsku politiku, 2005. – P. 307–323. – Объем 1,2 а л.
- 11 Karpenko, A. The role of religion in public life in the U.S. and post-Soviet Russia: philosophical and legal aspects / A. Karpenko // The United States in global context. American studies and cross-cultural

- communication: Материалы VI международного семинара «American Studies through Russian and American Eyes» – Череповец Изд-во ЧГУ, 2005 – С 84–90 – Объем 0,4 а л
12. Karpenko, A Religion in Public Life in Post-Soviet Russia Discourse on the National Identity / A. Karpenko // The Book of Abstracts, XIXth World Congress of the International Association for the History of Religions – Tokyo IANR, 2005 – P 110 – Объем 0,1 а л
13. Karpenko, A Public and Legal Discourse on Religion and Religiousness in post-Soviet Russia / A Karpenko // Экспорт религи, трансляція віри Американські релігійні впливи в Європі Збірник доповідей міжнародної наукової конференції 16-17 квітня 2004 року / Е Дж Фріггольм, С Головащенко (упоряд) Київ НаУКМА, 2004 – P 75–80 – Объем 0,5 а л
14. Карпенко, А Анатомия субкультуры, или Разрыв с повседневностью / А Карпенко // Объять обыкновенное Повседневность как текст по-американски и по-русски. Материалы VI Фулбрайтской гуманитарной летней школы / под ред Т Д Венедиктовой – М · Изд-во МГУ, 2004 – С 219–228 – Объем 0,5 а л

Карпенко Анна Михайловна

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Подписано в печать 17 10 2008 г

Бумага для множительных аппаратов Формат 60x90¹/₁₆
Гарнитура «таймс» Ризограф Усл печ л 1,5 Уч -изд л 1,5
Тираж 80 экз Заказ 213

Издательство Российского государственного университета им И Канта
236041, г Калининград, ул А Невского, 14